

Царь Иван Грозный и современное сектантство (публикуется с сокращениями)

Архимандрит МАКАРИЙ (ВЕРЕТЕННИКОВ)

Я преподаю церковную историю в Московской духовной академии, и студенты часто задавали мне вопрос об отношении к эпохе Ивана Грозного. Я на этот вопрос отвечал: есть эпоха митрополита Макария. Что же касается выражения «эпоха Ивана Грозного», то это не эпоха, поскольку эпоха всегда есть нечто целое. А о цельности эпохи в этом случае говорить не приходится.

Иван Васильевич Грозный — русский государь. Бесспорно, необходимо историческое исследование личности Ивана Грозного, его заслуг и т.д. Но те, кто выступают за его канонизацию, исходят при этом отнюдь не из его особого церковного благочестия. Речь идет как бы о канонизации монархии. Конечно, если говорить о возможной проекции небесного мира на землю, то в небесном мире царит не демократия, а монархия. Известна точка зрения нашей Церкви по этому вопросу, но она не волнует «ревнителей». Она не волнует их, поскольку сегодня личность Ивана Грозного переживает необычайное мифологическое переосмысление.

Какие при этом создаются мифы? Первое: оказывается, Иван Васильевич уже канонизован! Основной аргумент, подтверждающий эту якобы уже состоявшуюся канонизацию, то, что в откосе северо-восточного окна Грановитой палаты имеется изображение Ивана Васильевича в нимбе. Поскольку последняя роспись была сделана в 1892 г., то это изображение преподносится как акт канонизации. Но если бы кто-нибудь действительно радел о церковной науке, а не о мифотворчестве, то можно было бы заглянуть в синодальный архив РГИА... Если вы были в Грановитой палате, вы знаете, что там в таком виде изображен целый ряд московских государей. Изображение государей в нимбах — это византийская традиция, которая свидетельствует о почитании государя как помазанника Божия. Но это никогда — ни для византийцев, ни для русских — не говорило о личной святости. Имеющиеся архивные данные не подтверждают факта канонизации Грозного ни в XVII, ни в XIX веках.

Если говорить о проблеме взаимоотношений Ивана Васильевича с Церковью, то мне для их понимания много дали исследования мест погребения российских митрополитов. Это ведь непростой вопрос. Как вы знаете, в период опричнины летописание прекратилось, и мы вынуждены искать сведения о том, где был похоронен тот или иной митрополит, в других источниках. Напомню, что за время правления Ивана Грозного единственным митрополитом, который скончался своей смертью, оставаясь главой Церкви, был святитель Макарий. Все остальные митрополиты либо сами покидали престол, либо их низводили. О какой же святости после этого можно говорить?

16 января 1547 года состоялось венчание на царство первого и единственного тогда православного государя. Митрополит Макарий, обращаясь к нему, говорит, чтобы он был послушным сыном Святой Церкви и т.д. О каком же послушании можно говорить при таком отношении к предстоятелям Церкви? О том, что тогда происходило с епископами и игуменами, нам известно очень немного. Но мы знаем о гибели преподобного Корнилия, Псково-печерского чудотворца. Сегодня те, кто ревнуют о канонизации первого русского царя, совершенно произвольно перетолковывают слова службы, где говорится, что земной царь «предпослал» преподобного Корнилия небесному царю. Они преподносят это как нечто благодатное, что нельзя рассматривать иначе как кощунство...

Еще одно слабое место в разговорах о канонизации Ивана Васильевича — это его многоженство, хотя пресса, которая борется за его канонизацию, пытается эти факты отрицать. Столь же проблематична интерпретация опричнины как некоего монашеского ордена. Если вообще возможно говорить о благочестии применительно к опричнине, то по сути это было навязыванием неправославных форм благочестия. Не стоит забывать и о том, что митрополит Макарий выступал против опричнины — об этом говорится в 34-м томе русских летописей. Все эти усилия по

«канонизации царя» Ивана Васильевича смущают простых верующих. И мы видим, что эта ситуация нагнетается с помощью некоторых средств массовой информации.

Протоиерей Владислав ЦЫПИН

Идея этой канонизации - провокационная

Мысль о канонизации царя Ивана Грозного, насколько мне известно, никогда в прошлом всерьез никем не высказывалась. Эта идея — явление последних лет. Для историков эпоха Ивана Грозного и его место в истории России — это область исследований и полемики, но до последнего времени спор шел об оценке Ивана Грозного исключительно как исторического деятеля. А вот что он, оказывается, еще и один из угодников Божиих — такая экстравагантная мысль принадлежит уже нашему времени, и это симптом болезненного состояния религиозного сознания части нашего народа.

Мне вспоминается эпизод, который проливает некоторый свет на психологию и идеологию тех, кто носит с этой идеей. Лет десять тому назад, в начале 90-х годов, меня пригласили в одну общественно-политическую организацию на конференцию, сделать доклад на тему отношения Церкви к монархии. В докладе я старался быть объективным, избегая всякой идеологии, я просто пытался почерпнуть из истории взгляд на этот вопрос. Реакция на мое выступление в этом обществе, воспаленном монархическими настроениями, была довольно терпимой, но я не смог угодить им вполне. И вот, чтобы помочь мне лучше понять их настроения, они сказали: *«Вот вы же имеете своего игумена (почему-то они приняли меня за монаха), которому служите, и мы хотим иметь такого же игумена-царя»*. Я ответил: *«Это же разные сферы жизни — монастырь и государство. К тому же игумен свою братию знает, у него личные отношения с каждым из монахов, а у царя — миллионы подданных, и никакие личные отношения с каждым из них для него невозможны»*. Мне на это сказали: *«Это для обычных подданных невозможно. А для тех, кто восстанавливает монархию?»*

В этом эпизоде очень ярко, наивно и простодушно были выражены помышления тех, кто носит с идеей канонизации Ивана Грозного, — им хочется быть подручными в деле восстановления монархии, «опричниками», как многие из них себя называют.

Вспоминаю и еще один разговор. Моим собеседником был читатель подобных журналов и газет. Он горячо поддерживал мысль о канонизации Ивана Грозного. В конце спора, когда все его аргументы обнаружили свою очевидную несостоятельность, он вынужден был признать, что со строгой церковно-канонической точки зрения трудно настаивать на канонизации Ивана Грозного. И тогда он прибег к своему последнему аргументу: *«Как же вы не хотите оценить такой его подвиг: ведь он своими собственными руками багром топил жидовствующих!»* Я сказал, что это, безусловно, выразительная сцена, но она, во-первых, представляется мне малодостоверной, и к тому же разве это аргумент за канонизацию, а не против нее? И еще в статьях некоторых поклонников Ивана Грозного, явно проскальзывает антииерархическая идея этой проектируемой канонизации. Так, в одной из статей было прямо написано, что канонизации Ивана Грозного как огня боятся «современные Колычевы». Понятно, что под «Колычевыми» тут подразумеваются продолжатели дела и служения святителя Филиппа, митрополита Московского. Совершенно саморазоблачающий выпад!

Конечно, как сказал Святейший Патриарх Алексей II, во всей этой затее мы имеем дело с провокацией. Для одних это действительно сознательная антицерковная провокация, направленная на то, чтобы по возможности затруднить церковное делание, создать ранее не существовавшие проблемы, обострить уже имеющиеся. Другие из тех, кто ведет эту кампанию, считают, что Церковь должна быть служанкой в делах политических, что ее нужно использовать в своих целях. Вероятно, этим людям представляется, что если бы они привлекли Церковь на свою сторону, она была бы им мощной поддержкой. Но есть еще и множество людей исторически и

богословски наивных. Они легко верят всему, что написано. И мы более всего должны быть обеспокоены тем, что в сознание этих людей вносится смущение.

Что касается мысли о канонизации Григория Распутина, я хорошо помню по заседаниям синодальной Комиссии по канонизации святых, что как раз общение императора Николая II и императрицы с Распутиным было самой серьезной проблемой, затруднявшей принятие решения о канонизации. В результате тщательного исследования этого вопроса комиссия выработала адекватный подход к этой теме. Общение царственных мучеников с Распутиным объясняется, как говорилось в заключительных выводах комиссии, болезнью наследника престола и тем, что Распутин, как виделось императрице, мог ему помочь в его страданиях. Конечно, вникая более подробно во все обстоятельства, мы не можем отрицать, что для императрицы Распутин представлялся и религиозно одаренным человеком, может быть, она считала его старцем в собственном смысле этого слова. Но если это так, то мы имеем дело с ее заблуждением. Канонизация императрицы вовсе не исключает ее ошибочных суждений, в том числе и религиозного характера. Мученическая кровь много значит и многое искупает. Но когда сегодня эта канонизация используется для того, чтобы и Распутина внести в святцы, понятно, что здесь мы имеем дело со злонамеренной инициативой.

Мне кажется, для религиозно сознательного человека многое проясняет чтение записок самого Распутина. В них он вроде бы выступает как благочестивый православный человек. Но эти записки несут на себе печать своеобразной религиозности, и образ его «старчества» решительно отличается, скажем, от знаменитого и признанного оптинского старчества. В частности, в записках проступает его критическое отношение к духовенству, равно как и его легкое и терпимое отношение к греху, как к тому явлению, без которого спасение невозможно. В духе пресловутой народной мудрости «Не согрешишь, не покаешься», порой представляется, что ревнители канонизации Распутина добиваются церковной санкции на грех. Во всяком случае, образ «старца Распутина» глубоко чужероден тому, что Церковь традиционно почитает в святых.

Что касается церковной печати, если она действительно церковная, если журналы или газеты издаются по благословию Святейшего Патриарха или епархиальных архиереев, то в таких изданиях не может быть места для пропаганды идей, на вредность которых недвусмысленно указало священноначалие. Что же касается мирян, которые выступают в нецерковной печати на эти темы, то они ответственны за все печатные выступления перед своей совестью и Богом.

Алексей БЕГЛОВ

К вопросу о генезисе религиозных настроений, лежащих в основе почитания Григория Распутина и царя Ивана Грозного

Своими корнями подобные настроения уходят в антимодернизационные настроения российского крестьянства рубежа XIX-XX веков, которые были реакцией на изменения его общественного уклада и мировоззрения, происходившие в результате экономической и социальной политики правительств последних императоров. Уже после великих реформ 1860-х гг. крестьяне в некоторых районах запрещали своим детям учиться в школе дольше 1,5—2 лет, чтобы те «не испортились», отказывались переходить с трехполья на многополье (ибо Бог — в трех Лицах). С самого начала такой изоляционизм носил религиозный характер и подкреплялся эсхатологическими предчувствиями, которые нашли свое воплощение в 1917 г.: большевики были восприняты как власть антихриста, а их столкновение с крестьянским миром было истолковано в категориях космической борьбы дьявола с Богом. Так выявилась существенная черта этого религиозного умонастроения: его глубинный дуализм, роднящий антисоветский эсхатологизм (отождествление большевиков с властью антихриста) с древним манихейством или южно-славянским богомилством.

Коль скоро антихрист уже пришел и царствует на земле, значит, не за горами и Второе пришествие Спасителя. Эти ожидания подогревались распространившейся хлыстовской идеей о

возможности непосредственного воплощения Христа или Богородицы в конкретном человеке. Начиная с первой половины 1920-х гг. в Европейской части СССР появились десятки групп, проповедовавших о том, что Второе пришествие уже совершилось, и видевших Христа или Святого Духа в лице своего руководителя. В Центральном Черноземье, например, это были иоанниты и федоровцы, в Белоруссии — ильинцы, на Украине — стефановцы, в Молдавии — иннокентьевцы. Почти все они до середины 1930-х гг. существовали в рамках легальных приходов Патриаршей Церкви, а в первой половине 1920-х гг. активно боролись с обновленчеством — как с церковью, пошедшей на сотрудничество с антихристовой властью. Однако большинство их членов не заметили ловушку антисоветского эсхатологизма: с точки зрения Церкви, ожидаемые ими и «явленные» христы и были антихристами.

В Мордовии к этим группам присоединились «верноподданные Николая II», или николаевцы, почитавшие воплощенного Бога в лице последнего императора. Толчок для такого почитания, очевидно, дали Саровские торжества 1903 г. В ходе этих торжеств будущие основатели движения «верноподданных» видели государя. Подобно тому, как вдохновенные богослужения праведного Иоанна Кронштадтского произвели сильное впечатление на первых иоаннитов, объявивших пастыря воплощением Святой Троицы, так и Саровские торжества запечатлелись в памяти будущих николаевцев. Следующий шаг в направлении представления о «соискупительстве» царя-мученика был сделан тогда, когда приверженцы этих идей узнали о расстреле в Ипатьевском доме: коль скоро император Николай II — одно из Лиц Святой Троицы — принял мученическую смерть, он — и искупитель.

Так к началу 1940-х гг. уже сформировались основные идеи, которыми руководствуются нынешние почитатели Грозного и Распутина. В течение 1940-х гг. эти группы и их идеи стали далеко не последней частью «катакомбной» субкультуры, противопоставившей себя традиционной религиозной культуре Патриаршей Церкви. Возникновение этой субкультуры стало результатом сокращения действующих храмов и общего снижения уровня церковной жизни в годы репрессий. Примерно с конца 1940-х годов «катакомбная» субкультура начинает ощутимо влиять на традиционную религиозную культуру легальной Церкви. Причем влияние «катакомбной» мифологии, как правило, не встречало противодействия. Отчасти это можно объяснить падением образовательного уровня легального духовенства, отчасти — двойственной позицией епископата Патриаршей Церкви, терпимо относившегося к нелегальной церковности и не всегда всерьез воспринимавшего ее «издержки».

Нынешнее распространение этих идей — один из самых ярких примеров влияния на традиционное церковное сознание новой религиозной субкультуры, более полувека назад противопоставившей себя традиционной религиозной культуре Русской Православной Церкви. (Среди других примеров такого влияния можно назвать трактовку введения ИНН в качестве знаков «последних времен», новых российских паспортов, прошедшей недавно переписи населения, а также некоторые проявления почитания «старцев», обычно называемые «младостарчеством».) Почитание Григория Распутина логически развивает идею «соискупительства» Николая II (Распутин выступает в данном случае как его «предтеча»), а почитание царя Ивана Грозного следует из описанного историософского дуализма: коль скоро борьба темных и светлых сил — основной «сюжет» мировой истории, то их «воплощения» должны быть обнаружены на каждом ее этапе.

Распространение этих настроений, связанных по своему происхождению с альтернативной субкультурой, — серьезное испытание на прочность католического, соборного сознания Русской Церкви.

Царь Иван Грозный и современное сектантство

15 лет назад я защитил докторскую диссертацию о теократических воззрениях Ивана Грозного, однако я не буду говорить о тех фактах, которые так обстоятельно уже описал здесь архимандрит Макарий. Я попытаюсь раскрыть тему моего доклада в контексте сектоведения — то есть тех проблем, которыми я занимаюсь последние 10 лет.

Сразу оговорюсь: я не сторонник теории заговора, но сейчас ясно, что есть силы, которые стремятся расколоть нашу Церковь, или, по крайней мере, ее ослабить. На примерах исследования сектантства видно, насколько свободнее и вольготнее чувствуют себя секты, например, на Украине, где Православная Церковь расколота и ослаблена.

Как историк я не люблю делать широкие обобщения, но если взять историю Западной Церкви, она предстает как постоянная череда расколов «слева»: бесконечные попытки обновления, реформации, и чем дальше, тем все больше откалывающихся групп (лютеране, баптисты, церкви Христа, адвентисты и т.п.). История Восточной Церкви выглядит совершенно иначе. Для нее характерны расколы «справа» — начиная, скажем, с ариан, несториан, монофизитов и прочих групп, которые не принимали решений новых соборов, вплоть до наших старообрядцев и греческих «старокалендаристов». Другими словами, в нашей церковной традиции есть хороший иммунитет от расколов «слева», но гораздо меньшая устойчивость от попыток раскола «справа». В последние годы мы снова стали тому свидетелями. Неслучайно попытка раскола «слева» в виде неомонофизитства была быстро отторгнута церковным народом, в то время как голоса «справа» воспринимаются как нечто заслуживающее доверия, как-то, к чему нужно прислушаться.

Если говорить о силах, которые борются против индивидуальных налоговых номеров как печати (или «предпечати») антихриста, против новых паспортов, переписи и т.д., то сейчас они выдвинули новое требование: канонизации Григория Распутина и Ивана Грозного. Это очень небольшие группы, но очень шумные. За счет постоянного создания атмосферы скандала, может создаться впечатление, что они выражают точку зрения многих. На самом деле идея их в том, что надо долбить в одну и ту же точку, авось что-нибудь да отколет. Неважно, каков предлог — антиглобализационные идеи, канонизация Грозного или даже канонизация Игоря Талькова, акафист которому мы уже видели. Кстати, 27 января рупор подобных групп — эстрадная певица Жанна Бичевская, выступая на радио «Голос России», обличала врагов Игоря Талькова, по ее словам, «нашего святого подвижника, превзошедшего своей богословской премудростью многих отцов Церкви». Дальше эти группы будут требовать канонизации Сталина — уже есть такие заявления. Появляются некие «исследования» о том, что он якобы был тайный православный и исповедник.

Опровергать все эти мифологемы невозможно, потому что возникают все новые и новые. Причина их появления — крайне низкая духовная культура людей, присоединяющихся к Церкви, массовый приток неофитов — совершенно неподготовленных, готовых слепо воспринимать любые высказывания всех, кто на шаг старше их в церковности. Плюс советская привычка диссидентства, привычка жить с кукишем в кармане. Привычка жить двойной жизнью: с одной стороны, ходить на партсобрания, а с другой — рассказывать политические анекдоты. Вот с этим расколотым сознанием приходят люди в Церковь, и эти схемы советской жизни они переносят на церковную реальность. Поэтому и священноначалие они воспринимают так же, как когда-то воспринимали советское правительство. Да, внешне его можно почитать — в то же время публикуя газетные статьи, написанные эзоповым языком и полные каких-то намеков, понося и ругая священноначалие, тем более, что за это можно не опасаться наказания.

Другая основа этого сектантства — ностальгия по сильной руке. Сейчас, дескать, все разваливается, а как хорошо было при Сталине или при Иване Грозном, когда все трепетали, а врагов ждала неотвратимая кара. Лучше всего эту кроваво-жидкую ностальгию выражает та же

Жанна Бичевская: *«и не будет больше лагерей и тюрем, все враги России будут казнены... Мы врага настигнем по его же следу и порвем на клочья, Господа хваля...»*. Только вот похвалит ли это Сам Господь?

Итак, с одной стороны, есть ностальгия по сильной руке, а с другой — религиозная истерика и кликушество. Отсюда гремучая смесь, которая ложится в основу псевдоправославных, а на самом деле оккультизированных сект. А вот уже и откровенная ересь, озвученная Бичевской: в песне «Царица Александра» она называет святую страстотерпицу императрицу Александру Федоровну «светом серафимов и упованием Богородицы», а ведь по учению Православной Церкви свет серафимов — это Сам Господь Бог, Он же и упование Пресвятой Девы Марии. Думаю, это называется ересью царебожия. Проблема в том, что такие еретическо-сектантские группировки формально от Церкви еще не откололись и действуют на периферии церковной жизни. Существует, скажем, некое «Братство Царя-Искупителя», тесно связанное с экстремистской полуоккультной сектой, сформировавшейся вокруг псевдоправославной газеты «Жизнь Вечная».

Другая сектантская группировка, активно действующая в Москве, сложилась вокруг одного лжестарца — тяжело больного, парализованного схимонаха Симона, которого возит на коляске схимонахиня Серафима. Он невнятно мычит, а она это толкует, причем не гнушаясь площадной брани. У них есть, например, учение, что по средам нужно непременно одеваться в зеленое, по пятницам — в лиловое, а по воскресеньям — в красное, потому что эти цвета содержат определенную «энергетику». А креститься нужно с силой ударяя по плечу сверху, потому что у нас на каждом плече сидит по бесу и троеперстием мы этих бесов «прижигаем». Они распространяют антицерковные писания, приписываемые ими Пелагее Рязанской, о том, что духовные школы, духовенство и Патриарх ведут церковный народ напрямик в ад и прочее. Все это не получило канонической оценки и действует как бы в пределах Церкви. Недавно по просьбе пострадавших я связывался по поводу подобной группы с одним епархиальным архиереем, и ответ был очень странным: владыка мне жаловался на то, что он сам очень страдает от одной такой группировки, но не может их отлучить из-за опасения, что они тогда совсем уйдут из Церкви и станут сектой. Странная логика! А ведь эта группа самочинно основывает даже собственные конспиративные храмы в соседней епархии, то есть уже сама готовит раскол.

Отмечу, что эти секты находятся в разном положении: некоторые еще внутри Церкви, другие — на окраине, а есть и совсем отпавшие. При этом все они используют похожие мифологемы и скандалят на одинаковые темы.

Отношение к Ивану Грозному здесь хороший показатель. В письме, которое ревнители его канонизации недавно направили Святейшему Патриарху, есть потрясающий аргумент: Иван Грозный является отцом двух канонизированных святых. Яблоко от яблони, мол, недалеко падает. Что касается царевича Димитрия, то, надо сказать, он своего отца фактически не знал и рос без него. Сам по себе факт отцовства, конечно, не много значит, тем более что история раннего христианства знает множество примеров, когда отцы язычники предавали на смерть своих детей — христиан-мучеников.

Архимандрит Макарий уже затронул тему о многоженстве Ивана Грозного. По этому поводу на одном из псевдоправославных интернет-сайтов я вычитал такую идею: женой можно считать только ту, с которой он был венчан. А если не венчан — значит, не жена. А если это не жена, то говорить об этом — значит рыться в личной жизни помазанника Божия, а это, мол, далеко заведет. На самом деле, этот аргумент, помимо своей анекдотичности, исторически несостоятелен: можно спорить о том, был ли Грозный венчан со своей пятой или шестой женами, но то, что у него было четыре венчания подряд — это несомненно, как и то, что он был венчан со своей седьмой женой — матерью св. благоверного царевича Димитрия. После смерти своей третьей жены Иоанн Васильевич созвал Собор, на котором доказывал, что его третья жена отравлена боярами, а ему нужен наследник, и потому необходимо жениться в четвертый раз. Входя в это положение, Собор проявил некое, я думаю, малодушие, объяснимое отчасти тогдашней атмосферой, и согласился с этим браком, правда, отлучив царя на три года от причастия. Но к причастию, по свидетельствам современников, до конца жизни он уже не приступал, так как еще до истечения срока епитимьи

женился вновь. Надо помнить о том, что «благоверный царь», как его величают ревнители, не причащался. При этом Иван Грозный был убежден, что он вправе нарушить любые нравственные правила, если царство при нем процветает, поскольку он развивал богословскую теорию о том, что помазанник Божий спасется по плодам своей деятельности. Своим воздержанием от причастия он, мол, заплатил цену за свой грех и более ответственности за него не несет. Для православных это, конечно, совершенно несостоятельная идея. Подробно все эти аспекты жизни и мировоззрения Иоанна Васильевича я как раз и разбираю в своей диссертации.

Теперь несколько слов о Григории Распутине. Излюбленный аргумент его «почитателей» сводится к тому, что Распутина почитали святые страстотерпцы Николай и Александра, а они, дескать, знали его лучше нас и были не глупее нас. Но ведь святые новомученики вел. кн. Елизавета Федоровна, митрополит Владимир Киевский и другие резко отрицательно относились к Распутину. Почему же наши ревнители игнорируют их свидетельство? Я принес сегодня с собой книгу некоей Татьяны Гроян — главный апологетический труд «распутинославцев», с длинным названием «Мученик за Христа и за Царя Человек Божий Григорий, Молитвенник за Святую Русь и Ея Пресветлого Отрока» (Москва, 2000). Посмотрите на иллюстрацию: маленькая фигура Распутина изображена здесь рядом с царственными страстотерпцами, причем сам Распутин изображен как бы в «образе» Христа. Весь колорит этой «иконы» отчетливо напоминает так называемые «иконы» секты «богородичников» Иоанна Береславского (Вениамина Янкельмана). Возможно, все это делают одни и те же художники. Есть еще и изображение Распутина в виде крылатого Иоанна Предтечи, а в руках он держит чашу с головой императора.

Ко многим местам в этой весьма объемистой книге невозможно относиться иначе, как к курьезам. Вот несколько примеров, взятых почти наугад. Так, в этом «житии святого мученика схимника Григория Нового» сказано, что он с «Вырубовой ходил на крейсере «Варяг» в паломничество» в Верхотурье и в Тобольск (стр. 151). В другом месте (стр. 176) описывается мрачный подвал дома «масона Юсупова», где был убит Распутин: «...в углу была брошена белым пятном огромная шкура белого медведя, недавно приобретенного хозяином в поездке по Индии и безжалостно им убитого. В сатанинских ритуалах шкура медведя являет собой знак сатаны...» (!? — А.Д.). На странице 406 сказано, что Распутин «понимал язык животных» и т.п. Эта книга активно распространяется и смущает сознание недавно воцерковившихся людей.

Безусловно, есть целый ряд светских средств массовой информации, которые готовы подхватить любой подобный скандал, лишь бы это было во вред святой Церкви.

Конечно, большая часть всех этих аргументов ниже любого уровня критики. Именно поэтому серьезные ученые долгое время воздерживались от полемики с носителями идеологизированного и мифологизированного сознания. Но отсутствие ответа лишь еще больше возгревало их истеричность и возвеличивало их идеи в их собственных глазах. Нечто подобное произошло с изысканиями небезызвестного академика Фоменко, чья «новая хронология» затопила все книжные прилавки.

Именно поэтому отвечать этим людям нужно. С одной стороны, мы должны терпеливо и внятно формулировать ответы на претензии бессовестных крикунов, а с другой — воспитывать новообращенных, прививая им подлинное церковное сознание, основанное на любви к Богу и ближнему.

Диакон Андрей КУРАЕВ:

Новые «ревнители» и их привычка бунтовать

Буквально на днях в передаче, которую на «Радио России» ведет Жанна Бичевская, прозвучала очередная порция сплетен. Было сказано, что почивший недавно старец, протоиерей Николай Гурьянов, на самом деле — тайный схимник и, более того, схиархиепископ. Говорилось и о том, что Григорий Распутин — также тайный монах и тайный священник. Он, дескать, тайно

поехал на Афон, и там его тайно рукоположили и постригли, он и был духовником царской семьи в последние годы.

Сами по себе эти сообщения, казалось бы, не имеют вероучительного значения, однако же удивляет то, с какой настойчивостью такого типа люди и издания ищут повода, чтобы сказать некое «свое слово». В принципе, вопрос о том, был или нет схимником протоиерей Николай, был он тайным епископом или нет, для нашего отношения к памяти отца Николая не имеет особого значения. Но когда такого рода сообщения попадают в атмосферу кружка Жанны Бичевской или «Русского вестника» и «Руси Православной», они становятся еще одним ядрышком, которое бьет по твердыне церковного канонического сознания. Здесь действует принцип «капля камень точит».

К сожалению, история полемики вокруг индивидуальных налоговых номеров показала, что большинство церковных людей считают ниже своего достоинства опускаться до обсуждения этих сюжетов. Кажется, что это настолько маргинальные издания и что их риторика настолько не здравая, что просто не имеет смысла реагировать. Но здесь вступает в действие один из законов природы: если некое очень малое действие не встречает никакого противодействия, то это малое действие может гору сдвинуть. Нечто подобное происходит сегодня в церковной жизни. Мы пассивно наблюдаем за удивительной активностью такого рода маргиналов. Но если провести социологические опросы среди приходского духовенства, не говоря уже об обычных прихожанах, то выяснится, что на их точку зрения ориентируется уже немалое количество людей. Оказывается, в нашей церковной среде тоже срабатывает известный социологический закон: один сумасшедший всегда переорет целый автобус. Человек, которого страстно охватывает какая-нибудь идея, становится безумно активным и на свою любимую тему говорит постоянно, по поводу и без повода. А вот в наших официальных церковных изданиях считается, что если на какую-то тему выступили и как бы отметились, то потом к этой теме уже и не имеет смысла обращаться. Но те-то товарищи не успокоились, они продолжают вновь и вновь, несмотря на заявления и послания Патриарха, постановления Синода, — потому что для них все это, по-видимому, не важно.

К сожалению, реакция Церкви даже на уровне священноначалия очень непоследовательна. Например, уже много лет у меня возникает недоумение, почему на каждую Пасху и на каждое Рождество Патриарх посылает поздравления редакции «Русского вестника». Складывается удивительная ситуация. Вот, скажем, в минувшем году на епархиальном собрании Патриарх выразил церковное отношение к двум историческим личностям, о которых здесь идет речь. Но ближайший же номер «Русского вестника» выходит с портретом Григория Распутина на обложке. И следующий, рождественский номер, в котором опять же печатается поздравление Святейшего Патриарха. Возможно, у Святейшего руки не доходят до того, чтобы полистать такого рода издания. Но, я думаю, мы вправе обратить внимание на то, что его имя используется таким, весьма разрушительным, образом.

Помимо того, что такого рода издания иногда маскируются иерархическими благословениями, есть у них и вроде бы более сильный аргумент. Скажем, суждения о Распутине того же протоиерея Николая Гурьянова. Честно говоря, все то, что происходило последние годы вокруг отца Николая, мною воспринималось как нечто болезненное. Конечно, очень хочется, чтобы в Церкви все было иначе, чем в светской жизни. Но в результате долгих раздумий я пришел вот к какому вопросу. Нам известно, какие бывают облики старения и угасания у людей обычной жизни, не преисполненных благодати. Мы знаем, что бывает и ослабление ума, бывает, что человек начинает жить в каких-то своих грезах, будучи не в состоянии адекватно воспринимать происходящее вокруг него. То, что в нашей обычной жизни такое бывает, это очевидно. Может ли Господь попустить, чтобы нечто подобное произошло в жизни подвижника? Или же в жизни старца не может быть проявлений обычной человеческой старости? Ограждает ли Господь своих избранников от такого рода вещей? Я боюсь, что хотя бы временами отец Николай не миновал этого. Кроме того, надо помнить, что у настоящих христиан действует принцип, сформулированный апостолом Павлом: любовь всему верит. Мне вполне понятно психологически, почему отец Николай или отец Кирилл (Павлов), на мнение которого в последнее время начинают все чаще ссылаться, почему эти люди, преисполненные христианской любви, с радушной готовностью принимают рассказы о том, что такой-то «был оклеветан». В самом деле,

для христианина одна из величайших радостей — узнать, что человек, о котором тебя приучили думать плохо, на самом деле другой, и иметь возможность сказать: *«Слава Богу! Число истинных христовых слуг в нашем мире было или есть больше, чем я думал»*. Конечно, это очень радостное ощущение. Я и сам помню, что, когда я только приходил в Церковь, среди тех, кто встречал меня у церковного порога, были люди, от которых я впервые услышал о царской семье как о мучениках, о Григории Распутине и т.д. И у меня не было никакой аллергии на эти идеи, они были мне очень понятны, потому что тогда я уходил от советской идеологии и заранее готов был сказать, что все, о чем говорит советская пропаганда, — это неправда. Когда мне говорили: ты знаешь, на самом деле и вот об этих людях тоже советская пропаганда сказала неправду, — для меня было только радостью сразу же с этим согласиться. Это было на уровне эмоций. Но христианину, наверное, даже такие добрые чувства надлежит проверять.

Мы верим в то, что история — это пространство диалога Бога и людей, в то, что церковная история и русская история — это часть священной истории, продолжение библейской истории. И поэтому голос исторического предания для нас очень значим. Казалось бы, так хорошо сказать: да, они все хорошие люди были, замечательные, святые, и так хочется, чтобы еще одним молитвенным заступником было больше, — и все-таки это желание надо сверять с голосом церковного предания.

Взять того же царя Ивана Грозного и его отношение к святителю Филиппу. Ведь помимо разнообразных исторических документов существует литургическое предание Церкви. Литургическое предание выразило себя в службе святителю Филиппу Московскому, в частности в июньской службе, где в каноне на утрене содержится вполне ясная характеристика того человека, чье вмешательство в судьбу святителя Филиппа было столь трагическим. Этот человек не называется по имени, но ведь понятно, о ком идет речь и кто там называется «новым фараоном» и «новым Иродом».

Наши «ревнители» не имеют реального опыта послушания, и в этом смысле их сравнения опричнины с монастырем справедливы. Действительно, и монархическое построение жизни, и монастырское основано на послушании. Но если у вас нет опыта послушания в современной церковной среде, то как вы будете жить, если однажды монархия в России будет восстановлена? Я предвижу, что на следующий день после восстановления в России самодержавия те же ревнители, которые сейчас кричат «даешь монархию!», снова выйдут на Сенатскую площадь, но уже с требованием «царя в отставку!». В крайнем случае, это произойдет в ближайшее Рождество того года, когда монархия будет восстановлена, потому что на Рождество государь пошлет английской королеве поздравительное письмо, в котором назовет эту еретичку «дорогой сестрой во Христе», и в ревнительских изданиях это будет расценено как экуменизм и позорище.

У этих людей уже сформировались диссидентские привычки, привычки бунтовать. Когда я говорю о них, я отчасти говорю и про себя самого. Потому что я легко мог бы оказаться в их рядах — вся инерция моего нецерковного воспитания меня туда толкает. Интеллигенту трудно быть вместе с властью. Для него неестественно власть поддерживать. Он себя очень уютно чувствует в диссидентском подполье, особенно если оно более или менее безопасное: ты им фигу показал и спрятался, а на самом деле тебя никто и не преследует. То есть психологически я понимаю, почему эти люди там, но все-таки надо хоть чуть-чуть церковно взростеть и церковно меняться.